

**Електронна бібліотека
видань історичного факультету
Харківського університету**

Елкин А. И. Антибольшевистская борьба российской эмиграции в Польше (20 – 30-е гг.) // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20 – 80-е годы XX века). – Т. 2. – Харьков, 1995 – С. 34 – 41.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **e-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автори монографії

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКАЯ БОРЬБА РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПОЛЬШЕ (20-30-е гг.)

Российская эмиграция как историческое явление возникла не из самой революции, а из гражданской войны. Лишь немногие сознательно покинули Россию, спасая свое имущество или духовную свободу. Основная масса беженцев образовалась из тех, кто с оружием в руках боролся против большевиков. Польша благодаря сухопутной границе с Россией служила в 1919-1921 гг. главными воротами в Европу, через которые устремились массы русских беженцев, значительное количество которых затем осело в стране. Здесь же в качестве интернированных находились остатки нескольких бывших белых армий.

Русских эмигрантов в Польше можно было бы условно разделить на несколько категорий: первую, не слишком большую, представляли служащие бывшей империи (жандармы, чиновники и др.); вторую группу составляли представители торгово-промышленного и финансового мира; третью категорию представляли военные. Наконец, четвертую, самую значительную группу эмигрантов, составляли представители самых разнообразных профессий и социального положения, выброшенные революционной бурей на чужбину, наподобие пассажиров потерпевшего крушение гигантского корабля.

Чрезвычайно трудно определить точную цифру русской эмиграции в Польше, однако наиболее точными можно считать цифры, содержащиеся в отчетах Русского Попечительного Комитета (РПК) в Польше, организации, непосредственно занимавшийся беженцами из России. Как свидетельствуют данные РПК, в 1922 г. в Польше насчитывалось около 50 тыс. русских эмигрантов, а в 1924 г. - 60800 человек¹.

Следует также отметить, что Польша и, в частности, Варшава были центрами политической эмиграции. В 1919-1921 гг. над всей русской жизнью в Польше доминировала фигура Б. Савинкова, друга Ю. Пилсудского, основавшего в Варшаве Русский политический комитет (РПК). Он поставил себе задачу бороться с большевиками политическими и военными средствами. Основана эта организация была в июне 1920 г.²

1 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5814, оп. 1, д. 6, л. 39; д. 154, л. 1-3.

2 ГАРФ, ф. 5901, оп. 1, д. 8, л. 2

С согласия польских властей РПК приступил к формированию воинских частей (армия Булак-Балаховича и 3-я русская армия Перемыкина). После подписания перемирия с большевиками (октябрь 1920 г.) Пилсудский предложил этим частям выбор: либо эвакуация с оружием в руках из Польши к генералу Врангелю, либо самостоятельное продолжение борьбы с большевиками. Русские и украинские формирования приняли решение самостоятельно продолжать борьбу. Кроме Балаховича и Перемыкина, имелась еще конная бригада есаула Яковлева, тысячи полторы-две шашек. Он вошел в состав армии Петлюры. Общая численность войск составила 40 тыс. человек. Поход начался в октябре 1920 г.: войска Перемыкина и Петлюры наступали на Черкассы, а Балаховича - на Лунинец, Мозырь, Гомель.

К началу декабря 1920 г. все части вернулись на территорию Польши, где произошло интернирование около 20 тыс. человек. Так закончилась последняя попытка с оружием в руках свергнуть советскую власть.

После того, как Б. Савинкову стало вполне ясным, что бороться с большевиками путем какой бы то ни было интервенции бессмысленно, главное внимание было уделено иным методам¹. В связи с этим приняли решение восстановить Народный союз защиты родины и свободы (НСЗРС), созданный в 1918 г. В качестве основной задачи была выдвинута борьба «за третью Россию, построенную на крестьянской демократии, мелкой крестьянской собственности и на союзе народов»².

Ячейки союза создавались в лагерях интернированных. Основное внимание уделялось деятельности на территории советской России. Однако на практике оказалось, что идейный партизанский метод вылился в жизни в насилие, в безудержный грабеж и бессмысленную гибель членов союза. Партизанщина при ничтожном снабжении со стороны руководства союза средствами техническими и вообще материального характера, естественно, питалась теми ресурсами, которые добывались путем насилий и грабежей местного населения. Оно озлоблялось и видело в лице партизан, пришедших со стороны, новые несчастья и страдания, которые приносят сначала партизаны, а после них коммунисты.

Поэтому организации НСЗРС в лагерях категорически высказались за бессмысленность в дальнейшем партизанской борьбы³.

1 ГАРФ, ф. 5872, оп. 1, л. 274, л. 4.

2 На пути к «третьей России». Варшава, 1920, с. 18.

3 ГАРФ, ф. 5872, оп. 1, л. 12, л. 1.

В конце 1921 г. Б. Савинков и его ближайшие соратники по требованию советского правительства покинули Польшу.

РПК реорганизовался, превратясь в Русский попечительный комитет над эмигрантами в Польше, организацию аполитичную, связанную с парижским Земгором. В качестве последних могикан «савинковщины» в Варшаве сохранилась группа «За свободу», возглавляемая Д. В. Философовым и Е. Н. Шевченко, издававшими ежедневную газету того же имени.

В связи с тем, что Польша была связана с Советской Россией Рижским договором (1921 г.) и не имела права допускать в своих пределах открытой антибольшевистской деятельности русских эмигрантских организаций, политической жизнью в полном значении этого слова она не жила. Политика изгонялась из стен русских эмигрантских учреждений и всякий интерес к ней считался чем-то крамольным, несовместимым со званием эмигранта.

В 1925 г. положение несколько изменилось в связи с декларациями великого князя Николая Николаевича и подготовкой к «зарубежному съезду». Первой ласточкой явилось выступление председателя Российского комитета (РК), созданного в 1918 г., В. Н. Семенова на общем собрании эмигрантов в начале 1925 года. Используя имя Николая Николаевича, он заявил: «Кто за него, тот пусть голосует за нас». Это обеспечило победу Семенову и его сторонникам и с тех пор правление РК являлось как бы официальным политическим представительством правой части русской эмиграции в Польше. Выступление РК создало прецедент и дало возможность политической дифференциации этой организации.

Демократическая часть эмиграции приступила к организации своей политической жизни, ибо выступление Семенова дало к тому возможность. В Варшаве возникла Русская Демократическая группа. Деятельность группы не отличалась особым оживлением и свела его к беседам на политические темы, но был момент, когда казалось, что позиции демократической эмиграции в Польше усиливаются. Это был момент слияния группы и редакции «Свободы». Однако в редакции «За свободу» произошел раскол, вернувший все на свои места. Группа осталась без газеты, а она осталась в руках Философова.

Участие в «зарубежном съезде» и посылке представителей от русской эмиграции способствовало решению парижского организационного комитета, разославшего эмигрантским организациям в Польше предложение принять участие в выборах.

Официально предложение это обсуждалось лишь в варшавской демократической группе и было отклонено.

Выборы на «зарубежный съезд» были проведены в Польше с большим опозданием. В газете «За свободу» был помещен протест писателя Арцибашева, отнюдь не левого, против характера выборов в Варшаве: около двухсот человек присвоили себе право говорить от всей эмиграции; явился В. Н. Семенов, и собрание превратилось в частное начинание определенных политических групп, утратив значение общеэмигрантского дела. В Вильно было еще хуже. Там группа Русской национальной партии, число членов которой составляло «не более десяти человек», созвала, «не предупредив представителей общественности, собрание, где преобладало простонародье». Среди шума и беспорядка, простым поднятием рук был проведен заготовленный список. Участвовало всего в выборах четверть процента эмигрантов¹.

Существенно не отличалась от десятка других принятых в Сербии, Болгарии, Франции резолюций резолюция варшавского собрания, но она внесла новую нотку: «Памятуя слова великого князя Н. Н. о том, что свержение советской власти будет проведено внутри России, русская эмиграция в Польше считает необходимым уничтожить средостение между эмиграцией и внутренними национальными силами страны...»²

Из-за разногласий, возникших между участниками съезда, объединить их не удалось, как не удалось выработать единой программы борьбы против советской России.

Свой вклад в антибольшевистскую деятельность вносила и эмигрантская молодежь, которая имела несколько своих организаций. На собрании Объединения русской молодежи (ОРМ) в октябре 1926 г. выступил с докладом его председатель В. В. Макшеев. Горячий обмен мнениями вызвал вопрос об аполитичности ОРМ, причем собрание признало, что положение в России обязывает быть аполитичным лишь постольку, поскольку вопрос касается партийных разногласий в эмиграции, но отношение ОРМ, как русской организации, к большевикам не может не быть непримиримым³.

В ноябре 1926 г. по инициативе Союза русских студентов (СРС) и ОРМ провели вечер памяти вождей и участников вооруженной борьбы белых армий против большевиков. Одна общая линия проходила через все выступления: национальный подъем, вера в

1 Милкоков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926, с. 38.

2 Руль, 1926, 2 апр.

3 Там же, 1926, 2 окт.

свою идейную правоту и уверенность в том, что поражение белых армий не мешает конечной победе белой мысли. От имени молодежи выступил Ю. Л. Войцеховский и заявил, что она готова сложить головы за освобождение Родины. Надо отметить, что организации молодежи, еще недавно не игравшие никакой роли в жизни русской эмиграции в Польше, постепенно стали выдвигаться¹.

Свой вклад в антисоветскую пропаганду вносила и эмигрантская пресса. В этой связи следует отметить статьи писателя Арцибашева на страницах газеты «За свободу», отличавшиеся антибольшевистской непримиримостью. Многие из них вышли отдельным сборником².

После съезда делались попытки не только объединить силы эмиграции, но и продолжить в разных формах борьбу против советской власти. Это нашло отражение в эмигрантском «активизме» второй половины 20-х годов и в 30-е годы.

7 июня 1927 г. было совершено покушение на полпреда СССР в Варшаве Войкова. Покушавшимся оказался Б. С. Каверда. Он заявил, что является противником большевиков и считает их разрушителями своей родины³.

Председатель РК Семенов заявил в связи с этим: «Что касается происшедшего в Варшаве, то я считаю, что русская эмиграция, проживая в иностранных государствах, не должна прибегать к террористическим актам. Эти акты могут быть совершаемы на территории России, но не в странах, которые оказали эмигрантам гостеприимство. Особенно это касается Польши, где эмиграция пользуется полным гостеприимством польского правительства, доброжелательно к ней относящегося»⁴. По инициативе издателя «Новой России» (Вильно) начался сбор денег в пользу Каверды. Офицозы советского правительства и компартии «Известия» и «Правда» потребовали возобновления террора против эмигрантов. «Правда» потребовала безжалостной борьбы с белыми и приветствовала факт расстрела 20 человек в ответ на убийство Войкова. «Известия» пошли еще дальше. По их мнению, смерть 20 контрреволюционеров не является достаточной мстью за смерть советского посла⁵.

В Варшаве и других районах Польши аресты были проведены среди эмигрантов, несколько человек из них выслали из Польши.

1 Руль, 1926, 16 дек.

2 Арцибашев М. Записки писателя. Вып. 1. Варшава, 1925.

3 За свободу, 1927, 8, 9 июня.

4 За свободу, 1927, 9 июня.

5 Там же, 14, 16 июня.

2 сентября 1927 г. в здании полпредства СССР в Варшаве был убит некий Трайкович (по советской версии при подготовке покушения на советского полпреда Ушакова)¹. Эмигрантская пресса оценила эти события сначала как темную историю, а потом как кровавое убийство². 4 мая 1928 г. было совершено покушение на **торгового представителя СССР в Польше А. С. Лизарова**. Покушавшимся оказался эмигрант Ю. Войцеховский³.

Польские власти временно приостановили деятельность Российского комитета. Арестованный председатель комитета В. Н. Семенов заявил, что в помещении комитета были проведены обыски, но результаты их только подтвердили польскому правительству, что комитет никакой политической деятельности не вел, и что вся его работа протекала в рамках, предусмотренных уставом⁴. Следующий инцидент произошел в 1930 г. В конце апреля в полпредстве СССР в Варшаве нашли бомбу. Эмиграция оценила этот факт как организованный заграничной агентурой ГПУ с целью создания предлога для советских властей, чтобы обратиться к польскому правительству с требованием о применении репрессий к русской эмиграции в Польше⁵. Польские власти произвели обыски в квартирах руководителей эмигрантских организаций.

Случай с бомбой усилил, а не ослабил среди эмиграции в Польше тягу к более реальной и деятельной защите ее общественных и политических интересов, чем та, которая существовала до сих пор в виде совершенно формального объединения в так называемый Союз русских эмигрантских организаций в Польше. В газете «За свободу» Философов напечатал статью, указывающую на необходимость создания новой авторитетной организации, могущей защитить интересы эмиграции.

В апреле 1931 г. Союз русских писателей, Русский дом и Союз русских военных инвалидов выступили с предложением о ликвидации Союза русских эмигрантских организаций и создании нового объединения. Это объединение было создано и получило название Российского общественного комитета (РОК)⁶.

На страницах эмигрантской прессы развернулась острая полемика о причинах кризиса эмигрантских организаций в

1 Документы внешней политики СССР. Т. 10., М., 1965, с. 574.

2 За свободу, 1927, 4 сент.

3 Документы внешней политики СССР. Т. 12, М., 1967, с. 757.

4 За свободу, 1928, 1 июля.

5 Руль, 1930, 3 мая.

6 ГАРФ, оп. 1, д. 2, л. 5, 11.

Польше. Спор «отцов» (Д. В. Философов) и «детей» (П. Алексеев) позволил определить истоки кризиса (нищета, неблагоприятная политическая конъюнктура, превращение эмигрантских организаций в почетные учреждения)¹.

Положение в рядах русской эмиграции в Польше вызвало резкую критику со стороны «Возрождения». Возмущение вызвало заявление председателя Русского общества молодежи в Польше Н. Д. Шумилина о «насуточной необходимости политического союза между Польшей и СССР». Главный акцент делался на первой части выступления и отбрасывалась вторая, где отмечалось, что «искреннее сердечное сотрудничество поляков может быть только с национальной Россией, крепко сознающей свое славянское родство с Польшей»².

Попытки координации деятельности эмиграции сопровождалась активизацией пропагандистских мероприятий. В связи с началом коллективизации и преследованием верующих в СССР эмиграция выступала с акциями протеста. Традиционными стали «дни непримиримости», например, 8 ноября 1931 г.³

Однако улучшение советско-польских отношений привело к тому, что проведение «дней» было запрещено польскими властями⁴.

Значительную активность проявил в начале 30-х годов Союз русских писателей и журналистов под председательством А. М. Хирякова. В январе 1933 г. союз организовал конкурс писателей и публицистов «Что хотели бы вы сказать вашим единомышленникам - русским людям, томящимся в России?»⁵ Деньги на премии дал А. А. Морозов. Победителями конкурса стали А. Н. Грин (Англия) и князь Лыщинский-Проскуров (Польша)⁶.

Эмиграция организовала широкую кампанию протеста в связи с голодом 1933 г. 11 августа 1933 г. состоялось заседание РОК, РПК, Русского народного объединения и Варшавского студенческого союза. На собрании приняли резолюцию о необходимости оказания помощи голодающим. С этой целью была создана комиссия⁷, в которую вошли П. Н. Симанский, Н. А. Племянников и В. В. Макшеев. На собрании представителей эмигрантских организаций в Варшаве 28 августа 1933 г.

1 Молва, 1933, 21, 26 сент.

2 Документы внешней политики СССР. Т. 14. М., 1968, с. 623.

3 Возрождение, 1933, 20 нояб.

4 Там же, 12 окт.

5 Молва, 1933, 8 янв.

6 Там же, 14 сент.

7 Там же, 13 авг.

отмечалось, что действительную помощь могут оказать международные организации: Красный Крест и другие. В связи с тем, что сам факт голода советской властью отрицается, ставилась задача собирать факты, свидетельствующие об этом, и организовать помощь в виде посылок и денег¹. С июля по октябрь 1933 г. эмигранты собрали 1349 злотых². С почином выступили учащиеся русской гимназии в Варшаве. 17 октября 1933 г. они выступили с призывом о воздержании, о «голодном дне» в неделю, об отказе от одного обеда или блюда - все это в пользу голодающих в Советской России³. В каждом классе были поставлены кружки, куда учащиеся опускали свои детские лепты.

С целью возрождения эмиграции в 1934 г. начал издаваться еженедельник «Меч», редакторами которого были Д. В. Философов в Варшаве и Д. С. Мережковский в Париже. В обращении редакции говорилось: «Мы считаем, что наступило время, когда воистину эмиграции надлежит пробудиться, выйти из состояния блаженного усновения и тупого прозябания. Иначе эмиграция погибнет, сойдет на нет, потеряет смысл своего существования»⁴.

Однако в последующие годы кризисные явления в рядах эмиграции усилились и ее активность значительно снизилась.

Антибольшевистская деятельность русской эмиграции в Польше прошла несколько этапов. До заключения Рижского договора главное внимание уделялось вооруженным методам борьбы. После 1921 г. политическая деятельность практически не велась, и акцент делался эмигрантскими организациями на правовую защиту, улучшение материальных условий существования и трудоустройство эмигрантов.

Перелом наступает в 1925 г. во время подготовки «зарубежного съезда», призванного объединить различные эмигрантские течения. В конце 20-х - начале 30-х годов предпринимаются попытки не только сплочения, но и активизации антибольшевистской оппозиции. Традиционными становятся «дни непримиримости», различные газетные конкурсы, широкого размаха достигла кампания солидарности с голодающими в 1933 г. в СССР.

1 Молва, 1933, 30 авг.

2 Там же, 21 окт.

3 Там же, 26 окт.

4 Меч, 1934, № 1-2, с. 1-4.